

Бор. ШТ—Н

ПОЧЕМУ
ГЕРМАНИЯ И СССР
ЗАКЛЮЧИЛИ ДОГОВОР
О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Главлит № 59032.

Гиз. № 16748.

Тираж 5.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“. Москва, Пименовская ул., 16.

24 апреля 1926 года в Берлине подписан договор между Германией и СССР. Договор этот вызвал после своего подписания, а равно и в тот момент, когда стало известно о переговорах, огромный шум в буржуазной печати. Шум этот сопровождался бешеной злобой, направленной как против СССР, так и против Германии.

В чем же суть этого договора, и почему его заключение вызвало такой бешеный вой английской, французской, чехо-словацкой и польской буржуазной печати?

ПОЛИТИКА АНГЛИЙСКОГО КОНСЕРВАТИВНОГО КАБИНЕТА ПО ОТНОШЕНИЮ К СССР

Для того, чтобы понять политический смысл советско-германского договора, подписанного 24 апреля, и уяснить все его значение не только для развития отношений между Германией и СССР, но и общеевропейских отношений, необходимо вернуться немного назад и остановиться на английской политике со времени прихода к власти правящей ныне консервативной партии.

Осенью 1924 года, победив на выборах при помощи подделки знаменитого «письма Зиновьева», якобы написанного тов. Зиновьевым центральному комитету Английской коммунистической партии с призывом к немедленной революции в Англии, консервативной партии удалось захватить власть в свои руки. Вместо ушедшего в отставку так называемого «рабочего правительства» Макдональда образовался кабинет Болдуина—Черчилля—Чемберлена и покойного заклятого врага СССР—Керзона. Пост министра иностранных дел в этом кабинете получил Чемберлен. Внешняя политика консервативного правительства немедленно после прихода к власти приняла ярко враждебный по отношению к СССР ха-

рактер. Одним из первых актов этого кабинета явился отказ от подписанного 8 августа 1924 года англо-советского договора, заключенного при правительстве Макдональда. Этот договор регулировал ряд спорных до того между Англией и СССР вопросов и, в частности, был первой попыткой разрешения вопроса о долгах, разрешения, могущего удовлетворить обе стороны. По договору 8 августа 1924 года СССР согласился уплатить часть довоенного долга царской России, а английское правительство согласилось гарантировать правительству СССР заем значительно больший, нежели эта часть уплачиваемых долгов. Таким образом было достигнуто соглашение, могущее послужить основой для развития нормальных политических и экономических отношений между Англией и СССР к выгоде обеих сторон.

Консервативное правительство начало свою внешнюю политику с отказа утвердить этот договор. Выполняя волю английских банков, недовольных договором 8 августа, консервативный кабинет признал условия договора неприемлемыми для себя и попытался построить всю свою политику по отношению к СССР с таким расчетом, чтобы принудить последний принять более тяжелые для него обязательства. Разрывая договор 8 августа, английское правительство тем самым брало на себя обязательство перед всей европейской буржуазией добиться от СССР условий, которые превращали бы Союз в колонию европейского капитала, чего не удалось добиться при помощи интервенции и блокады. Поведение английского кабинета делало на известное время бесплодными попытки СССР договориться о долгах и кредитах с другими государствами, ибо в каждом из них буржуазия уклонялась от переговоров, надеясь, что Англии удастся поставить СССР на колени, и тогда всем другим государствам оставалось бы воспользоваться этой победой Англии.

Несмотря на упоение победой на выборах, английский консервативный кабинет все же понимал, что ему одному не под силу справиться с СССР и заставить его принять условия английских банкиров. Вот почему министр иностранных дел Англии Чемберлен уже в ноябре 1924 года начинает осуществлять план так называемого «единого фронта» по отношению к СССР. Этот план заключал в себе соглашение

ряда европейских государств с целью политического и экономического окружения СССР, кредитной и хозяйственной блокады его, а в случае неудачи всех этих мероприятий— и открытых враждебных действий с целью принудить СССР к сдаче. Для осуществления этого плана Чемберлен предпринял в конце 1924 года поездку в Париж и Рим для того, чтобы столкнуться с Францией и Италией по вопросу о едином фронте. Одновременно английская дипломатия, руководимая Чемберленом, предпринимает бешеную работу на отдельных участках дипломатического фронта и создает ряд затруднений для СССР. Такая работа предпринимается сразу в двух противоположных углах Европы: на Балканах и в Прибалтике. И тут и там делаются попытки под руководством Англии создать блок ряда государств,—блок, прямо направленный против СССР.

Создание «единого фронта» оказалось не столь легким, как это представлялось Чемберлену в момент прихода его к власти. Противоречивость хозяйственных и политических интересов отдельных групп европейской буржуазии, прямое столкновение этих интересов, заинтересованность отдельных стран в советском сырье и в советских рынках сбыта, бешеная конкуренция друг с другом,—все эти обстоятельства создали непреодолимые затруднения при попытке организовать единый фронт против СССР.

Нам неизвестны точные результаты переговоров Чемберлена в Париже и Риме, однако, есть ряд данных, позволяющих судить о том, что эти переговоры не дали Чемберлену ожидаемых результатов. Следует иметь в виду, что Франция признала СССР 28 октября 1924 года, именно в тот момент, когда приход к власти консерваторов в Англии уже почти не вызывал сомнений. Этот акт со стороны Франции учитывал ухудшение англо-советских отношений, ибо французская буржуазия хотела использовать это ухудшение с целью извлечения непосредственных выгод для себя. Последующая политика Франции по отношению к СССР показала, что французская буржуазия не склонна согласовывать свои действия с английской и не отказывается путем непосредственных переговоров с СССР защищать свои интересы, не заботясь о том, удастся ли Англии поставить СССР на колени.

Италия, признавшая СССР еще в феврале 1924 года и заключившая с ним тогда же торговый договор, быстро развивала экономические связи с советским народным хозяйством и также не склонна была действовать по отношению к СССР по указке Чемберлена.

Не дали ощутительных результатов и попытки английской дипломатии создать блок балканских и прибалтийских государств. Напугавши югославскую и болгарскую буржуазию призраком «красной опасности», Чемберлен попытался при помощи этого испуга добиться соглашения между Югославией и Болгарией, а затем использовать это соглашение против СССР. Английская дипломатия с этой целью устроила свидание югославского и болгарского премьер-министров и вела бешеную пропаганду за соглашение между ними. Однако не так легко было примирить интересы югославской и болгарской буржуазии, так как война и насильственный мир породили резко враждебные отношения между ними. Соглашение не состоялось, и вместе с тем рухнул план образования противосоветского блока на Балканах.

Не удалась и попытка сколотить блок в Прибалтике. Интересы пяти прибалтийских государств (Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши и Литвы) весьма резко расходятся. В конце 1924 г. и начале 1925 г. под влиянием Англии находилась политика Литвы, Латвии и отчасти Эстонии, хотя в последней через посредство Польши было очень сильно французское влияние, Польша к этому моменту была в значительной мере под влиянием Франции и, наконец, Финляндия сумела до известной степени сохранить самостоятельность своей внешней политики. Английское и французское влияние в Прибалтике взаимно было направлено друг против друга. Создание антисоветского блока в Прибалтике требовало, чтобы во главе его было поставлено одно из прибалтийских государств. Таким государством могла быть Польша, которая к этому моменту была очень враждебно настроена по отношению к СССР. Однако другие государства Прибалтики, в частности Латвия и Финляндия, отнюдь не хотели такого усиления Польши. Это совершенно не соответствовало их интересам. Что же касается Литвы, находившейся и находящейся до сих пор во враждебных отношениях с Польшей (из-за того, что Польша отняла у

Литвы Виленщину) и не имевшей с Польшей вообще нормальных политических отношений, то она и слышать не хотела о господстве Польши в каком бы то ни было прибалтийском блоке. Поскольку такой блок хотела создать Англия, тем самым могущая занять в Прибалтике господствующее положение, французская дипломатия противилась этому блоку (как английской затее). Прибалтийская конференция, созванная в феврале 1925 г. в Гельсингфорсе (Финляндия) и посвященная специально плану создания прибалтийского блока, не дала результатов, ожидавшихся Англией.

Таким образом и эта затея английской дипломатии рухнула. В марте 1925 г., после пятимесячных усилий, направленных к созданию единого фронта, Чемберлен увидел, насколько трудна задача, поставленная им по отношению к СССР.

В этот период английская внешняя политика испытывает колебания в своем дальнейшем направлении. Чемберлен пытается даже занять по отношению к СССР более примирительную позицию. Отказываясь в продолжение первых пяти месяцев своего пребывания у власти от каких бы то ни было переговоров с тогдашним полномочным представителем СССР в Англии г. Раковским, он в марте и апреле 1925 г. принимает г. Раковского и пытается уверить последнего в отсутствии какой бы то ни было враждебности со стороны Англии по отношению к СССР.

Этот дипломатический шахматный ход не мешает Чемберлену начать более основательную попытку окружения СССР, на этот раз со стороны Германии. Английская дипломатия предпринимает ряд политических действий, направленных к отрыву Германии от СССР и вовлечению первой в антисоветский лагерь.

События, наступившие в мае 1925 года в Китае, усиливают попытки Чемберлена осуществить план окружения СССР.

ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА ЧЕМБЕРЛЕНА

В результате мировой войны Англии удалось добиться политического и хозяйственного разгрома Германии. Германия перестала быть конкурентом Англии, а как известно, именно эта конкуренция была одной из основных причин

войны. Однако разгром Германии создал для английского народного хозяйства ряд величайших затруднений. До войны Германия была не только конкурентом Англии, но и лучшим покупателем английских товаров. После войны, обессиленная ею, с непрерывно падающей валютой и подорванным хозяйством, она оказалась не в состоянии покупать английские товары. Таким образом Англия очутилась перед невозможностью сбывать свои товары, что наряду с прочими хозяйственными затруднениями после войны сделало ее положение чрезвычайно тяжелым.

С другой стороны, послевоенная политика французской буржуазии (особенно в период 1919—1924 г.г.), направленная на дальнейший разгром Германии и полное подчинение ее интересам французского капитала, вызывала естественное недовольство у Англии, боявшейся слишком большого усиления Франции в Европе. Вот почему немедленно же после окончания войны между Англией и Францией возникают длительные разногласия в вопросе об отношении к Германии.

Эти разногласия продолжались до 1924 г., когда Англии совместно с Америкой удалось заставить Германию принять так называемый план Дауэса, превративший ее в колонию иностранного капитала. Благодаря плану Дауэса Англии удалось в деле эксплуатации Германии оттеснить Францию на второй план, ибо французский капитал оказался не в состоянии овладеть германским народным хозяйством. Французское народное хозяйство в течение 1924 г. расстраивалось все больше и больше благодаря непрерывному падению франка. Вот почему Англии удалось занять в германском народном хозяйстве снова первенствующее положение. Такова хозяйственная сторона вопроса о взаимоотношениях между Англией и Германией. Что же касается политической стороны, то дело обстояло так: как мы сказали выше, попытки Франции подчинить своему влиянию германское народное хозяйство, вызывали у английской буржуазии боязнь слишком большого усиления Франции на материке Европы. В послевоенные годы Франции удалось заключить военные союзы с Польшей и Чехо-Словакией, которые должны были помогать Франции с востока и юго-востока в случае ее новой войны с Германией. Если бы Франции удалось подчинить себе всецело германское народное хозяйство, то она

действительно сделалась бы самым сильным государством в Европе. Именно этого боялась Англия. Вот почему английская политика за последние два-три года направлена в сторону некоторой благожелательности по отношению к Германии, чтобы привлечь ее на свою сторону, восстановить ее против Франции и тем самым создать опорный пункт английского влияния на европейском материке. Особенно усиливается это направление английской политики в 1924 г. При кабинете Макдональда оно выражается в усилиях втянуть Германию в Лигу Наций. При кабинете Болдуина—Чемберлена к этим попыткам прибавляется новый план, направленный на отрыв Германии от СССР. Неудачи Чемберлена в течение первых пяти месяцев существования консервативного кабинета в деле создания единого антисоветского фронта, толкнули его на усиление работы по привлечению Германии в свой лагерь. Чемберлен прекрасно понимал, что пока Германия будет находиться в дружеских отношениях с СССР, блокада последнего вряд ли удастся. Вся работа английской дипломатии в течение весны и лета 1925 г. сосредоточивалась на втягивании Германии в Лигу Наций и подготовке к конференции в Локарно.

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1921—1925 Г.Г.

После разрыва осенью 1918 года Брест-Литовского договора, навязанного Советской России германским империализмом, в течение двух с половиной лет между Германией и СССР не существовало нормальных политических и экономических отношений.

Побежденная Германия была всецело во власти держав Антанты, которые диктовали ей все то, что считали для себя выгодным. Несмотря на то, что многие руководители германской политики уже в те годы понимали важность восстановления сношений с Советской Россией, они были бессильны что-либо предпринять против желания государств Антанты. А эти последние как раз в период 1919—1920 г.г. вели против Советской России политику прямой интервенции и блокады. Совершенно естественно, что они не хотели разрешить Германии восстановить сношения с советской страной. Да и в самой Германии было немного людей, которые

В то время верили в жизнеспособность советской власти и рискнули бы пойти на соглашение с ней. Вот почему до 1921 г. между обеими странами не существовало никакого договора и по существу никаких отношений. Весной 1921 г. закончилась последняя попытка открытой интервенции против Советской России (польская война), и в марте был подписан Рижский договор. Одновременно и Англия, убедившись в полной бесплодности интервенции и блокады, пошла на заключение с Советской Россией торгового соглашения, восстанавливающего фактические отношения между обоими государствами. Это торговое соглашение было подписано 16 марта 1921 г. Как раз в этот момент усилилось давление на Германию со стороны держав Антанты. Созванная в марте 1921 г. в Лондоне конференция предъявила Германии ультиматум, требовавший от Германии уплаты колоссальной контрибуции (называвшейся репарационными платежами) в 132 миллиардов золотых марок. Тогдашнее германское правительство решило пойти на заключение договора с Советской Россией отчасти из желания показать странам Антанты, что в случае продолжения их давления на Германию последняя будет искать опоры на Востоке. Однако германское правительство не решилось пойти на полное восстановление отношений с Советской Россией, на юридическое признание последней. Оно боялось этим демонстративным жестом вызвать новые репрессии по отношению к Германии. Вот почему 6 мая 1921 г., за несколько дней до истечения срока лондонского ультиматума (который, кстати сказать, был принят затем Германией), был подписан договор между Германией и СССР. Этот договор, называвшийся торговым соглашением, устанавливал основные условия для развития торговых и хозяйственных отношений между обеими странами. Равным образом он устанавливал дипломатические представительства обеих сторон и тем самым способствовал дальнейшей связи. С этого момента экономические отношения между обоими государствами стали непрерывно развиваться. Договор 6 мая 1921 г. оставил неурегулированными очень много вопросов, окончательное разрешение которых возможно было бы лишь при полном восстановлении отношений между обоими государствами и юридическом признании. Этот недостаток договора 1921 г. был пополнен так называемым Раппальским

договором, заключенным 16 апреля 1922 г., во время Генуэзской конференции.

Генуэзская конференция, заседавшая с 10 апреля по 19 мая 1922 года, была посвящена главным образом так называемому «русскому вопросу». На этой конференции державы Антанты, используя только что перенесенный Советской Россией голод 1921 г. и общую разруху советского народного хозяйства, вызванную годами империалистической и гражданской войн, пытались продиктовать советскому государству неслыханно кабальные условия, принятие которых сделало бы СССР надолго колонией иностранного капитала и погубило бы все завоевания Октябрьской революции. Естественно, конечно, что советская делегация отвергла условия, выставленные державами Антанты.

Несмотря на то, что германское правительство в мае 1921 г. приняло лондонский ультиматум о репарационных платежах, в 1921 г. и начале 1922 г. обнаружили полную невозможность для Германии выполнять эти платежи. Разруха ее народного хозяйства шла все дальше и глубже. Между тем союзники отнюдь не склонны были уменьшить тяжесть бремени, наложенного ими на Германию. Германская делегация в Генуе, пытавшаяся вести по этому вопросу переговоры, не могла добиться каких бы то ни было результатов. Естественно, что оба государства (Германия и СССР) почувствовали необходимость более тесного соглашения, которое позволило бы им усилить свою сопротивляемость по отношению к государствам Антанты. За истекший период (с момента подписания договора 6 мая 1921 г.) они увидели, что их экономическая связь растет и что нужно лишь создать более подходящие договорные условия, которые позволили бы эту связь еще усилить. Это и привело к Рапальскому договору.

Этот договор прежде всего устанавливал взаимное юридическое признание и полное восстановление дипломатических отношений. Далее договор устанавливал отказ от военных и довоенных претензий и тем самым расчищал дорогу для будущих здоровых отношений. Наконец, он обоюдно предоставлял наибольшее благоприятствование в области хозяйственных отношений.

Несмотря на тяжелое положение, в какое попала Герма-

ния в течение 1922—1924 г. г. (падение и обесценение марки, захват французами Рурского бассейна и связанный с этим полный развал германского народного хозяйства), Раппальский договор заложил прочное основание, на котором советско-германские отношения в это время крепили и развивались. Росла внешняя торговля между обеими странами, усилился приток германских капиталов в советское народное хозяйство, крепили и развивались политические и культурные связи между обеими странами.

Этот рост взаимной связи был закреплен подписанием 12 октября 1925 г. торгового договора между Германией и СССР. Переговоры о заключении торгового договора длились целый год и затронули ряд важнейших отраслей народно-хозяйственной жизни обеих стран. Торговый договор между Германией и СССР заключает в себе общую часть, посвященную регулированию основных хозяйственных отношений, соглашение о поселении граждан, хозяйственное соглашение, соглашение о мореплавании, железнодорожное соглашение, налоговое соглашение, консульскую конвенцию, ветеринарное соглашение, соглашение о защите промышленной собственности и, наконец, соглашение о взаимной судебной помощи.

Как видно из только что приведенного списка этот договор действительно охватывает все стороны народно-хозяйственной жизни и тем самым устанавливает прочное основание для развития дальнейшей связи, направленной ко взаимной выгоде обеих сторон.

Равным образом в течение времени, протекшего с момента Раппальского договора, укреплялись и политические связи между обоими государствами. Именно в этот период Германия испытала наибольшую тяжесть со стороны своих победителей. Во время захвата Рура и длительного его занятия французскими и английскими войсками единственным государством, протестовавшим против этого захвата, был СССР. Совершенно естественно, что английская дипломатия, мечтавшая (и мечтающая) о грандиозном плане окружения СССР, должна была развить огромную энергию, добиваясь разрыва или по крайней мере серьезного ослабления связи между Германией и СССР, связи,—как мы видели из предыдущего,—крепнувшей в течение 1921—1925 г. г.

КИТАЙСКИЕ СОБЫТИЯ 1925 Г.

Именно этим и занялась английская дипломатия в 1925 г.

Выше мы сказали, что первая неудача Чемберлена в деле создания единого антисоветского фронта вызвала в марте—апреле 1925 г. некоторое колебание в английской политике по отношению к СССР. Это колебание в мае того же года снова сменилось бешеной работой, направленной против СССР. Такой поворот был, несомненно, вызван и ускорен (кроме общей ненависти, питаемой английской консервативной буржуазией к Советскому Союзу) начавшейся в Китае национальной революцией. Всем памяты китайские события весны и лета 1925 г. Бурным потоком по всей стране разлилась волна стачек и забастовок, вызванных шанхайскими расстрелами. В то время, как до весны 1925 г. гражданская война в Китае представляла собой лишь борьбу отдельных генералов, поддерживаемых соперничающими в Китае империалистическими державами, с весны 1925 г. в борьбе стали принимать участие широчайшие массы китайского народа. Непосредственным результатом национально-революционного движения в Китае весны и лета 1925 г. явилось, с одной стороны, значительное укрепление кантонского правительства Южного Китая, единственного китайского правительства, борющегося за национальное освобождение Китая от ига империализма и опирающегося на широкие массы рабочих, крестьян и ремесленников, а с другой — создание народных армий, этой военной силы национальной революции.

Китайские события самым непосредственным образом задела интересы английской буржуазии. Вся ненависть угнетаемого иностранным империализмом китайского народа обрушилась в первую голову на английских торговцев и промышленников в Китае. В ряде городов Китая был объявлен бойкот английских товаров и организованы особые комитеты по проведению этого бойкота. Вызывающее поведение английских представителей в Китае еще более разжигало ненависть против Англии. Все это не на шутку испугало английскую буржуазию. Консервативный кабинет воспользовался этим испугом для того, чтобы поднять новую кампанию против СССР. Английские газеты объявили, что вся национальная революция в Китае есть не что иное, как

дело рук «московских агитаторов». Само собой разумеется, что английские министры вовсе не представляли дело так просто. Они прекрасно понимали, что никакими агитаторами и даже целыми полками агитаторов невозможно создать революцию там, где нет условий для ее появления. Однако под глупейшими вымыслами о «московских агитаторах» скрывалась правильная мысль. Эта мысль заключалась в том, что дело национальной китайской революции в значительной мере зависит от крепости Советского Союза, самый факт существования которого вселяет мужество в борющиеся против иностранного империализма массы китайского народа. Если бы английскому империализму удалось сокрушить или ослабить Советский Союз, ему значительно легче было бы справиться с китайским народом. Это понимает китайский народ, это же понимали и понимают английские буржуазные политики. Вот почему развивающаяся китайская революция, вспыхнувшая с особенной силой в мае 1925 г., ускорила в умах английских политиков необходимость осуществить в возможно короткое время план окружения СССР, чтобы ослабить его и заставить сдаться на милость победителя. Под шум развивавшихся в течение лета 1925 года китайских событий английская дипломатия в Европе развила громадную энергию, направленную на выполнение поставленной задачи.

ПОДГОТОВКА К ЛОКАРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Задача, поставленная английской дипломатией, оказалась для нее нелегкой. Для того, чтобы втянуть Германию в анти-советский лагерь, ей нужно было бы предложить какие-либо выгоды, которые могли бы возместить Германии потерю связи или во всяком случае ослабление связи с СССР. Прежде всего Англия поставила перед собой задачу втянуть Германию в Лигу Наций и этим самым заставить ее в дальнейшем подчиняться решениям Лиги Наций, членом которой она будет состоять. И это сделать было нелегко. За все время существования Лиги Наций Германия терпела от нее немало несправедливостей. Так, в 1921 г. Лига Наций присудила большую часть Верхней Силезии (бывшей германской области) Польше, несмотря на то, что при народном голосовании большинство голосовавших высказалось за оставление этой

области в руках Германии. Равным образом ряд других дел Лига Наций решала в пользу противников Германии, несмотря на то, что справедливость была не на их стороне. Ко времени Локарнской конференции (октябрь 1925 г.) Лига Наций в значительной мере превратилась в орудие английской политики. Войти в Лигу значило для Германии сделаться послушным исполнителем английских планов. С другой стороны, германское правительство Лютера — Штреземана, видя, что в течение последнего времени Англия в известной степени поддерживала Германию против неумеренных требований французской буржуазии, верило в то, что при помощи Англии Германии удастся занять независимое положение в Европе и освободиться от слишком большого нажима Франции. Более того, германская буржуазия была убеждена, что внутри Лиги Наций ей удастся защищать свои интересы значительно лучше, чем находясь вне Лиги. Наконец, вызванный планом Дауэса значительный приток иностранных капиталов в Германию подчинил германскую буржуазию иностранному влиянию и тем самым дал определенное направление внешней политике германской буржуазии. Решение вступить в Лигу Наций было принято германской буржуазией еще в конце 1924 г., вскоре после того, как начал действовать план Дауэса, и первые иностранные кредиты, вливаясь в германское народное хозяйство, поселили в умах германской буржуазии радужные надежды. Решаясь на вступление в Лигу Наций, германское правительство все же попыталось выговорить для себя условия, которые могли бы хоть немного (как это казалось ему) обеспечить самостоятельность германской политики. Этих условий было два. Во-первых, Германия потребовала для себя постоянного места в совете Лиги Наций — органе, который фактически заправляет всеми делами Лиги. Это требование Германии было с самого начала принято, и уже в марте 1925 г. германское правительство получило обещание, что при вступлении в Лигу оно получит место в совете. Значительно труднее и сложнее обстояло дело с другим требованием Германии. Это требование касалось неприменения к Германии ст. 16 устава Лиги Наций.

Статья 16 устава Лиги Наций гласит следующее: «Если член Лиги прибегает к войне... он рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги. По-

следние обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего статут, и прекратить всякие финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно членом Лиги, или нет.

В этом случае совет Лиги обязан предложить различным заинтересованным правительствам тот численный состав военной, морской или воздушной силы, посредством которого члены Лиги будут по принадлежности участвовать в вооруженных силах, предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги.

Члены Лиги соглашаются, кроме того, оказывать друг другу взаимную поддержку при применении экономических и финансовых мер, которые должны быть приняты в силу настоящей статьи, чтобы сократить до минимума могущие проистечь из них потери и неудобства. Они равным образом оказывают взаимную поддержку для противодействия всякой специальной мере, направленной против одного из них, государством, нарушившим статут. Они принимают необходимые постановления для облегчения прохода через их территорию сил всякого члена Лиги, участвующего в общем действии для поддержания уважения к обязательствам Лиги и т. д..

Следующая статья 17 постановляет, что к государству, не являющемуся членом Лиги Наций, может быть применена статья 16 со всеми вытекающими из нее последствиями.

В чем смысл статьи 16, почему Германия требовала не применения ее к себе и почему именно в этом ей отказывали Англия и Франция?

Из всего сказанного выше мы видели, что план английской буржуазии после прихода консерваторов к власти заключался в организации похода против СССР. Именно с этой целью и развивала свою усиленную работу английская дипломатия. Именно с этой целью и хотела она завлечь Германию в антисоветский лагерь. Ст. 16 устава Лиги Наций давала удобный юридический предлог для организации единого фронта против СССР и для осуществления этого фронта. В самом деле, достаточно было объявить СССР зачинщиком какой-нибудь войны (хотя бы эта война или военное столк-

новение были спровоцированы другой стороной) для того, чтобы призвать все государства, входящие в Лигу, на основании ст. 16 устава к организации общего похода против СССР. В этом случае в частности от Германии на основании той же ст. 16 можно было бы потребовать разрыва всех экономических отношений с СССР, участия Германии в блокаде СССР, участия ее, наконец, в военном походе против СССР и,—что очень важно,—потребовать пропуска, например, французских войск через Германию. Таким образом мы видим, что применение ст. 16 к Германии действительно являлось основной задачей английской дипломатии.

С другой стороны, германская буржуазия боялась идти на открытый разрыв с СССР. Опыт ряда лет показал ей, что СССР является удобным местом приложения ее капиталов с целью извлечения прибылей. Внешняя торговля Германии, напрягающей невероятные усилия с целью добиться превышения вывоза над ввозом, дабы иметь возможность платить из этого превышения репарационную дань, также не могла отказаться от СССР, ибо вывозить германские товары на Запад более чем трудно, ввиду ряда таможенных затруднений со стороны западных соседей Германии. Германская буржуазия прекрасно понимала, что согласие на безоговорочное принятие ст. 16 устава Лиги будет означать необходимость полного разрыва с СССР.

Германская буржуазия боялась также и того, что разрешение на проход иностранных войск через территорию Германии (в случае организации общего похода на основании ст. 16) поставит Германию перед лицом военного захвата части ее территории французскими или английскими войсками. А это ей меньше всего улыбалось.

Вот почему во время переписки с Лигой Наций летом 1925 г. Германия указывала на необходимость найти такие условия, которые бы считались с особым положением Германии, расположенной между странами Антанты, с одной стороны, и СССР—с другой, с нежеланием Германии участвовать в военных походах вообще (здесь имелось, конечно, в виду нежелание участвовать в походе против СССР) и с ее разоружением, которое делало бы ее беспомощной в случае прохода через германскую территорию иностранных войск

и т. д.

До самой конференции в Локарно этот вопрос не был разрешен, и лишь на конференции было найдено решение, о котором мы скажем ниже,

ЛОКАРНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Локарнская конференция имела место в октябре 1925 г., и ее акты подписаны 16 октября. На этой конференции был не только положительно решен вопрос о вступлении Германии в Лигу Наций, но и подписан так называемый гарантийный договор.

В чем его суть и какое его отношение к обсуждаемому нами вопросу?

Выше мы сказали, что для того, чтобы привлечь Германию на свою сторону и тем самым вовлечь ее в антисоветскую политику, английской дипломатии нужно было дать что-нибудь Германии взамен тех выгод, которые германская буржуазия получает, используя экономические связи с СССР. Гарантийный договор и представлял собой попытку заплатить германской буржуазии за ее разрыв с СССР.

В статье 1 договора между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией, подписанного 16 октября 1925 г., сказано следующее:

«Высокие договаривающиеся стороны гарантируют каждая за себя и все совокупно... сохранение территориального статуса кво (нынешнего положения), вытекающего из границ между Германией и Бельгией и между Германией и Францией, неприкосновенность этих границ, как они установлены в мирном договоре, подписанном в Версале 28 июня 1919 г.» и т. д.

Что это значит?

Границы между Германией и Францией, с одной стороны, между Германией и Бельгией, с другой,—были установлены Версальским мирным договором, отнявшим у Германии в пользу Франции Эльзас-Лотарингию, а в пользу Бельгии—Эйпен-Мальмеди. Зачем же понадобилось снова торжественно гарантировать неприкосновенность раз установленных границ?

Это нужно было сделать по двум соображениям.

Как известно, несмотря на Версальский мирный договор, установивший границы между Германией и Францией, последняя в 1923 г. нарушила эти границы и заняла своими вой-

сками Рурскую и Рейнскую области Германии. Таким образом «мирный» договор не мог гарантировать Германии неприкосновенность ее границ. Нужно было создать новые обязательства заинтересованных сторон, дабы обеспечить западные границы Германии от возможного их нарушения со стороны Франции и Бельгии. С другой стороны, хотя Версальский договор и отторгнул Эльзас-Лотарингию от Германии, германская буржуазия всегда заявляла, что Версальский мир является насильственным, навязанным Германии и что, в силу этого, Германия не признает отрыва от нее Эльзаса-Лотарингии. Для того, чтобы успокоить Францию относительно судьбы Эльзаса-Лотарингии, нужно было новое торжественное (на этот раз «добровольное») заявление Германии, что она отрекается раз навсегда от этих двух провинций. Благодаря этому договору Англия обезопасила себя от повторения в будущем захвата Рура Францией, что вовсе не входило в планы Англии, ибо такой захват мог бы увеличить силы Франции. Английской дипломатии в Локарно удалось построить гарантийный договор таким образом, что Англия сделалась верховным судьей в возможных спорах между Германией и Францией, с одной стороны, и между Германией и Бельгией — с другой. В случае столкновения она обязалась притти на помощь Германии, если на нее нападет Франция или Бельгия, а равно притти на помощь Франции или Бельгии, если на них нападет Германия. Такой исход Локарно означал крупнейшую победу английской дипломатии.

Для того, чтобы заставить Германию пойти на такое разрешение вопроса о западных границах (как мы видели, это разрешение вопроса давало в руки Англии огромные преимущества), Англия дала Германии ряд обещаний.

Первое обещание касалось восточных границ Германии, т.е. границ ее с Польшей и Чехо-Словакией. Эти границы, как известно, были также установлены Версальским миром и притом в ущерб Германии. К Польше отошел ряд немецких земель: часть Восточной Пруссии, большая часть Верхней Силезии, город Данциг с округом. Между той частью Восточной Пруссии, которая осталась за Германией, и самой Германией проложен так называемый «Данцигский коридор», который отделил германскую Восточную Пруссию от остальной Германии и превратил Восточную Пруссию в какой-то

остров, окруженный польскими землями. Кроме того, от Германии отторгнут Мемельский округ с портом и городом Мемелем, которые позднее были отданы Литве. К Чехо-Словакии отошли бывшие австрийские земли, населенные немцами в количестве свыше 3 миллионов. Не желая допустить усиления Германии, страны-победительницы запретили немецкой Австрии, являющейся ныне «самостоятельным государством», присоединиться к Германии, хотя такое присоединение и было бы вполне естественно, исходя из национального состава и хозяйственной необходимости Австрии. Против такого соединения выступила особенно рьяно Чехо-Словакия, боявшаяся окружения ее Германией с двух сторон.

На Локарнской конференции Франция, являющаяся союзником Польши и Чехо-Словакии, пыталась добиться такой же гарантии восточных границ Германии (т.-е. границ с Польшей и Чехо-Словакией), какая была установлена по отношению к западным границам Германии.

Именно в этом вопросе Англии удалось одержать победу над Францией и тем самым расположить Германию в свою пользу.

Отказавшись удовлетворить требование Франции и гарантировать неприкосновенность восточных границ Германии, английская дипломатия тем самым обещала германской буржуазии предоставить ей известную свободу действий на Востоке. Она дала обещание не препятствовать планам Германии, направленным на воссоединение ряда земель, отторгнутых у Германии на Востоке по Версальскому договору.

Ряд данных позволяет считать, что Англия обещала Германии способствовать также возврату ей кое-каких колоний, отнятых у немцев в силу того же Версальского мира.

Все эти обещания повлияли на германскую буржуазию так сильно, что она в Локарно согласилась принять на себя обязательства по ст. 16 устава Лиги Наций с небольшими оговорками, которые, как мы увидим ниже, по существу не изменяли сути дела.

В Локарно представители Англии, Франции, Италии, Бельгии, Чехо-Словакии и Польши дали германской делегации письмо, приложенное к локарнским соглашениям. Это письмо представляет собою толкование ст. 16 устава Лиги Наций

и гласит, что, по мнению правительств, представители которых подписали письмо, «каждое государство—член Лиги Наций обязано лояльно (добросовестно) и действительно способствовать соблюдению устава и выступлению против всякого акта нападения в той мере, в какой это совместимо с его военным положением и с учетом его географического положения».

Таким образом казалось, что германское требование было полностью удовлетворено. Однако это только казалось. Ведь согласно только что приведенному письму Германия все же обязывалась выступить против СССР, если бы последний подвергся нападению со стороны Лиги Наций. Германия обязывалась бы участвовать в экономической и финансовой блокаде и даже в военных действиях, направленных против СССР. Государства, подписавшие указанное письмо, давали лишь туманные обещания считаться с географическим и военным положением Германии.

Германия на деле полностью уступила домогательствам английской дипломатии и согласилась на ее требование перейти в антисоветский лагерь.

Задача Чемберлена, направленная на вовлечение Германии в антисоветский лагерь, в Локарно была разрешена почти на все 100%.

ПОЛИТИКА СССР ПОСЛЕ ЛОКАРНО

Из всего сказанного выше ясно, что СССР должен был после Локарно предпринять ряд шагов, которые обезвредили бы затею английской дипломатии, направленную на его окружение и подготовку общего антисоветского выступления. Такое обезвреживание могло иметь место в случае, если бы СССР удалось при помощи особых договоров гарантировать нейтралитет соседних с СССР государств и тем самым сделать неосуществимыми попытки английской дипломатии организовать поход против Советского Союза.

Впрочем, следует заметить, что заключение договоров о ненападении и нейтралитете с соседними государствами СССР начал задолго до Локарно. Еще на Генуэзской конференции в 1922 г. советская делегация предлагала заключение общего договора о ненападении. В том же 1922 г.

был подписан договор с Чехо-Словакией, в первом пункте которого имеется взаимное обязательство нейтралитета. На протяжении последних лет СССР неоднократно предлагал ряду государств заключение подобных же договоров.

Естественно, что после Локарно, который практически ставил вопрос об окружении СССР, со стороны Советского Союза понадобилось усиление этой мирной политики.

Первым из договоров о нейтралитете был подписан 17 декабря 1925 г. советско-турецкий договор. Этот договор включает уже все основы мирной политики Советского Союза.

Ст. 1 договора с Турцией обязывает обе стороны к соблюдению нейтралитета в случае военного выступления против одной из договаривающихся сторон со стороны одной или нескольких третьих держав.

Ст. 2 дает взаимное обязательство ненападения со стороны одной из договаривающихся держав на другую, а равным образом обязательство не принимать участия ни в каком союзе или соглашении политического характера с одной или несколькими третьими державами, направленном против другой договаривающейся стороны, а равно ни в каком союзе или соглашении с одной или несколькими третьими державами, направленном против военной или морской безопасности другой договаривающейся стороны. В особом протоколе к этой же статье говорится, что ни одна из договаривающихся сторон не будет также участвовать в каких-либо комбинациях третьих держав, имеющих целью финансовые или экономические соглашения против другой договаривающейся стороны.

Наконец, еще один протокол к договору устанавливает намерение обеих сторон установить особый мирный (согласительный) порядок для разрешения могущих возникнуть между сторонами недоразумений.

Это краткое содержание советско-турецкого договора таит в себе весьма серьезную политическую программу. По договору 17 декабря 1925 г. обе стороны, как СССР, так и Турция получили гарантию полной безопасности своих границ по отношению друг к другу, гарантию того, что ни одна из договаривающихся сторон не примкнет к враждебным по отношению к другой союзам, будь эти союзы военного, политического или экономического характера. СССР таким об-

разом получил уверенность в том, что если была бы объявлена блокада Черного моря в результате враждебной политики Англии, эта блокада была бы прорвана со стороны Турции, обязавшейся не принимать в ней участия. Точно так же, если Англия или какая-либо иная держава предприняли бы военные действия против южных границ СССР, последний мог быть спокоен за свои кавказские границы, ибо в подобных враждебных действиях Турция не принимала бы никакого участия.

СССР не скрывает и не скрывал своего желания заключить договоры, подобно советско-турецкому, со всеми соседями. Предложения о заключении подобных договоров, повторяем, СССР делал и делает всем своим соседям (за исключением, само собой разумеется, Румынии, пока последняя будет удерживать насильственно захваченную ею советскую территорию—Бессарабию).

Вторым результатом мирной политики СССР за последнее время является советско-германский договор, подписанный 24 апреля 1926 г.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР 24 АПРЕЛЯ 1926 Г.

Остановимся прежде всего на содержании самого договора и тех нот, которыми обе договаривающиеся стороны обменялись при подписании договора.

Самый договор состоит из 4 статей и 2 нот, приложенных к договору и разъясняющих отдельные места его статей. Никаких других документов, носящих секретный характер, не было подписано. Это обстоятельство чрезвычайно важно отметить, дабы еще раз подчеркнуть, что мирная политика СССР проходит у всех на виду.

В статье 1 договора имеются два положения. Первое из них говорит, что основой взаимоотношений между Германией и СССР юстается Раппальский договор. Это важное подтверждение незыблемости первого политического договора, заложившего камень советско-германской дружбы, было особенно необходимо именно в тот момент, когда вся печать Антанты писала, что Германия переменяла раппальскую политику дружбы с СССР на локарсную политику вражды к СССР. Подписывая договор, в котором черным по

белому подтверждается прежняя основа германо-советских отношений, германское правительство тем самым торжественно заявляет, что оно не намерено порвать дружбы с СССР. (Мы пока оставляем открытым вопрос о том, сможет ли германская буржуазия поддерживать дружбу одновременно и с СССР и с Англией. Важно во всяком случае, что германское правительство сочло необходимым громко заявить о своем желании поддерживать дружбу с СССР и ни в коем случае ее не рвать.) Тут же следует вспомнить, что и в ст. 1 торгового договора между СССР и Германией от 12 октября 1925 г. также говорится, что этот договор построен на основе Раппальского договора.

Второе положение ст. 1 говорит о том, что германское правительство и правительство СССР будут поддерживать дружественный контакт (связь) с целью согласования всех вопросов политического и экономического свойства, касающихся одинаково обеих стран.

Значение этого взаимного обязательства делается особенно понятным, если напомнить мысль, выраженную в пункте 1 ноты германского правительства, приложенной к договору и повторенной в пункте ответной ноты правительства СССР.

«Оба правительства, — говорится в указанных нотах, — исходили из того мнения, что согласование всех вопросов политического и экономического характера, касающихся обеих стран, существенным образом будет способствовать сохранению всеобщего мира». Это заявление отнюдь не является пустой дипломатической фразой. Можно быть действительно уверенным в том, что если между СССР и Германией будет существовать постоянная связь и согласование всех вопросов политического и экономического свойства, касающихся этих двух государств, то это уже серьезно затруднит работу тех враждебных сил, которые будут стараться вызвать в той или иной форме военное столкновение.

При таком постоянном согласовании интересов СССР и Германии значительно легче будет разрушить всякие враждебные замыслы, направленные какой-либо третьей стороной против каждого из договаривающихся государств.

Статья 2 договора говорит дословно следующее: «Если вопреки своему мирному поведению одна из договариваю-

щихся сторон подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта».

На этой статье нужно специально остановиться.

Мы видели, что в советско-турецком договоре обязательство нейтралитета каждой из договаривающихся сторон наступает «в случае военного выступления против одной из договаривающихся сторон». В советско-германском договоре вторая сторона обязана соблюдать нейтралитет не при всяких обстоятельствах, а лишь в том случае, если нападение с третьей стороны будет произведено на одну из договаривающихся сторон «вопреки ее мирному поведению». Таким образом, в советско-германском договоре имеется как бы некоторое ограничение случаев нейтралитета. Это ограничение связано с положением Германии в качестве будущего члена Лиги Наций. (Как известно, несмотря на постигшую Германию во время последнего собрания Лиги Наций в Женеве 8—16 марта 1926 года неудачу, она все же собирается вступить в Лигу Наций и надеется быть принятой в Лигу в сентябре 1926 года.)

Устав Лиги Наций не допускает нейтральности члена Лиги Наций по отношению к нападающему государству. Здесь, само собою разумеется, выступает на сцену снова опасность, что если Англия захотела бы добиться, чтобы Германия не была бы нейтральна по отношению к СССР в случае какого-либо военного столкновения СССР с третьей державой (например с Польшей или Румынией), ей стоило бы провести через Лигу Наций (последняя, наверно, охотно бы на это пошла) объявление СССР нападающей стороной.

Эта опасность действительно существует, но германское правительство в своей ноте дает ряд обязательств свести эту опасность до самых малых размеров.

В пункте 2 своей ноты германское правительство заявляет о своем убеждении, что принадлежность Германии к Лиге Наций не может быть препятствием к дружественному развитию советско-германских отношений. Этой фразой германское правительство снова подтверждает, что не намеревается отказаться во имя локарнской политики, враждебной СССР, от рапальской политики, дружественной СССР.

Далее германское правительство заявляет о своей точке зрения по вопросу о Лиге Наций и ее основных задачах. Лига Наций, говорит германская нота, призвана, согласно своей основной идее, регулировать мирным и справедливым образом международные противоречия.

В ответной ноте правительства СССР сказано, что оно принимает к сведению это мнение германского правительства. Мы считаем нужным добавить, что правительство СССР, само собою разумеется, не разделяет этого мнения германского правительства относительно характера Лиги Наций и тех задач, которые Лига Наций преследует. Правительство СССР попрежнему считает, что Лига Наций является специально организованным аппаратом в руках империалистических государств (и в первую очередь Англии), который служит проведению их планов, направленных на раздел мира и угнетение малых народов. Германское правительство думает иначе. Как видно из дальнейшего содержания ноты, убеждение германского правительства в справедливости Лиги Наций не является вполне твердым. Так, нота продолжает дальше: «Если бы вопреки этому (т.-е. мирному характеру Лиги Наций), чего германское правительство не допускает, в среде Лиги Наций возникли когда-либо стремления, которые, в противоречии с этой основной идеей мира, были бы односторонне направлены против СССР, германское правительство будет со всей энергией противодействовать таким стремлениям».

В только что приведенном абзаце речь идет уже не о взглядах германского правительства на роль и назначение Лиги Наций, а о тех обязательствах, которые берет на себя германское правительство в качестве будущего члена Лиги Наций и которые заключаются во всемерном противодействии всяким планам, направленным против СССР. Это обязательство является чрезвычайно важным и существенным для СССР. В силу этого обязательства германское правительство должно будет противодействовать всяким планам, враждебным СССР, в том числе и планам английской дипломатии. В этом пункте значение советско-германского договора, как обезвреживающего в значительной мере всю подготовительную работу английской дипломатии, выступает особенно ясно.

Выше, когда мы приводили содержание ст. 16 устава Лиги Наций, а равно и те толкования ее, которые были даны в письме на имя германской делегации в Локарно, мы говорили, что эти толкования все же не уничтожили обязательства Германии выступить на стороне Лиги Наций в случае, если последняя будет организовывать поход против какого-либо государства. Локарнские державы дали лишь туманное обязательство «считаться с военным и географическим положением Германии»,—обязательство, по существу ничего не говорящее. Остался открытым вопрос, в каких случаях должна будет выступать Германия. Достаточно ли будет, например, чтобы сама Лига Наций объявила какое-либо государство нападающей стороной, дабы заставить Германию выступить против этого государства? Если бы дело обстояло так, то локарнские планы Чемберлена могли бы быть в любой момент осуществлены. Достаточно было бы объявить СССР нападающей стороной, и Германия обязана была бы нарушить нейтралитет и помогать Лиге Наций в удушении СССР.

Именно разъяснению этого положения посвящен пункт 3 германской ноты. В первом абзаце этого пункта германское правительство заявляет, что не имеется противоречий между дружественной политикой Германии по отношению к СССР и добросовестным соблюдением Германией статей 16 и 17 устава Лиги Наций. Согласно этим статьям, указывает германская нота, выступление против СССР могло бы иметь место только тогда, если СССР начал бы наступательную войну против третьей державы. Мы уже заметили раньше, что СССР можно при желании объявить наступающей стороной и этим решить вопрос. Именно это и предвидит германская нота. Она продолжает: «При этом надлежит иметь в виду, что вопрос о том, является ли СССР нападающей стороной, мог бы быть разрешен с обязательной для Германии силой только при ее согласии и что таким образом выдвинутое против СССР в этом отношении со стороны других держав, по мнению Германии, необоснованное обвинение не будет обязывать Германию участвовать в мероприятиях, предпринятых на основании ст. 16» (т.-е. в походе против СССР).

Таким образом Лига Наций, согласно этому заявлению Германии, не сможет принудить ее ни признать СССР нападающей стороной тогда, когда сама Германия не будет считать СССР нападающей стороной, ни участвовать в организации похода против СССР, когда Германия с этим не будет согласна.

Эта точка зрения Германии и обязательства, принятые ею на себя по договору от 24 апреля 1926 г., наносят новый удар локарнской политике.

Следующее обязательство, указанное в ст. 3 договора, содержит обещание каждой из договаривающихся сторон ни во время конфликта с какой-либо третьей стороной, ни в мирное время не принимать участия в коалициях (соглашениях) между третьими державами с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон.

Это обязательство германского правительства является не менее важным, чем все предшествующие. Мы видели уже, что экономический и финансовый бойкот прямо предусмотрен в ст. 16 устава Лиги Наций, как одно из мероприятий в организации общего похода против какого-либо государства. Мы прекрасно помним, какой колоссальный вред был нанесен Советской России экономической блокадой, которой ее подвергали страны Антанты в продолжение ряда лет. Поскольку Германия обязалась в подобного рода блокаде или бойкоте не принимать участия, опасность общей блокады делается значительно меньшей.

Пункт 4 обеих нот (советская нота дословно повторяет этот пункт германской ноты) посвящен взаимному обязательству немедленно приступить к переговорам о заключении договора для мирного разрешения могущих возникнуть между обеими сторонами конфликтов. Обе ноты предвидят две возможные формы при разрешении конфликтов: либо согласительную, когда обе стороны назначают равное количество делегатов, совместно разбирающих тот или иной спорный вопрос, либо третейскую, когда делегаты обеих сторон выбирают еще третейского судью, под председательством которого ведется заседание и который выносит при несогласии обеих сторон между собой обязательное для обеих сторон решение.

Статья 4 договора посвящена формальностям его ратификации (утверждения).

Таково краткое содержание советско-германского договора от 24 апреля 1926 г.

ОЦЕНКА ДОГОВОРА

За неделю до подписания договора в буржуазную печать стран Антанты проникли сведения о предстоящем подписании договора. В течение нескольких дней вопрос о советско-германском договоре не сходил со страниц этой печати. Равным образом величайший вой и шум поднялся в этой же печати, когда стало известно, что договор уже подписан. Печать стран Антанты упрекает Германию в вероломстве, в измене «духу Локарно» и т. д. и т. п. Этот вой буржуазной печати является чрезвычайно показательным для вскрытия истинных мотивов Локарнской конференции и локарнских договоров. Мы относимся к этому шуму совершенно спокойно. Эта же антайтовская печать, маскируя замыслы английской дипломатии, уверяла нас все время, что Локарнский договор не направлен против СССР, что он не заключает в себе каких-либо враждебных планов окружения Советского Союза. Если та же печать теперь утверждает, что советско-германский договор, мирные цели которого у всех на виду, противоречит духу Локарно, это лишь означает, что самый «дух Локарно»—дух войны, а вовсе не мира.

Прав был тов. Литвинов, сказавший на сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР, что советско-германский договор обезвредил жало Локарно, направленное против СССР.

Поскольку это так, следует считать советско-германский договор 24 апреля 1926 г. значительным достижением советской дипломатии.

Но на этом работа советской дипломатии, само собой разумеется, не останавливается. Как мы сказали выше, СССР предложил заключение подобных же договоров ряду государств. Ближайшее будущее покажет, насколько они намерены вести по отношению к СССР такую же мирную политику, какую сам СССР ведет по отношению к ним в продолжение ряда лет совместного существования.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Политика английского консервативного кабинета по отношению к СССР	3
Германская политика Чемберлена	7
Германско-советские отношения 1921—1925 г.г.	9
Китайские события 1925 г.	13
Подготовка к Локарнской конференции	14
Локарнская конференция	18
Политика СССР после Локарно	21
Советско-германский договор 24 апреля 1926 г.	23
Оценка договора	29

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова